

Михаил Краснянский

ТУРИЗМ МОЕЙ МОЛОДОСТИ

*«...Чтоб устать от усталости,
А не от собственной старости...»
Из песни Ю. Кукина*

Массовым увлечением молодой интеллигенции 60-х-80-х годов прошлого века был туризм. Но наш туризм того времени кардинально отличался от нынешнего. Не было никаких авиалайнеров и красавцев-автобусов в два этажа, никаких пятизвёздных отелей и шведских столов, никаких гидов и туристического прикида от Adidas. А что было? – Общий вагон немытого поезда, раздолбанный автобус (“ЛАЗ” или “ПАЗ”), палатка да костер, компас да карта, банка тушенки да брикет каши в закопченном котелке, брезентовая ветровка сверху да презиновые кеды снизу. Но было там кое-что ещё...

Туризм для нас - это была не только практически единственно материально доступная нам форма отдыха, не только способ поддержания высокого спортивного тонуса, не только любовь к природе - это был еще и «глоток свободы»: сияние солнца, величие гор и царственность рек не визировались парткомом и не утверждались начальством.

Наша проверенная горно-лесная тройка (она же экипаж байдарки) состояла из меня и двух моих друзей. Бородатые и небритые, с рюкзаком за плечами или с байдарочным веслом в руках мы исходили и «исплавали» весь СССР. Любимые маршруты – уникальные озера Байкал, Балхаш и Иссык-Куль, Карпаты, Карелия, Урал, Алтай, предгорья Тянь-Шаня, ну и, конечно, Кавказ.

Мы добирались до Архыза, потом взбирались на Чучхурский или какой-либо другой перевал, потом спускались с гор к озеру Рица, а оттуда - к Черному морю. Мы ставили палатку в какой-нибудь закрытой бухточке у самой воды, чтобы создать пространство, которое отделило бы нас от надвигающейся ночи, загорали, купались, любовались кавказскими горами - суровыми часовыми вечности, с которых мы только что спустились, пили чудное красное вино, эту виноградную кровь, настоящую на праздничной смеси черноморского ветра и солнца. Потом солнце уходило за горизонт, наступала ночь. Ночь дышала вязкими могучими ароматами. Море, большое и молчаливое, черным псом лежало у ног. Иногда по нему скользил луч прожектора, и тогда оно одевалось в сказочные краски, будто сам Айвазовский прошелся по нему своей кистью... Мы пели Галича, Городницкого, Кукина, Окуджаву. «Не покупаются, не покупаются доброе имя, талант и любовь» - пели мы чудесные окуджавские строки. «Почему это не покупается любовь, очень даже покупается!» - возразил как-то один немолодой мужик, случайно оказавшийся в нашей компании. «Нет, - твёрдо возразил я, - женщину купить можно, а любовь – нельзя, нет!» – «Ну почему...» - попытался он продолжить спор. – «По качану! – перебил я. - Любовь вообще не бывает "почему", она всегда - нипочему, она всегда - просто так!» - И был очень горд собой!

Каждый год, первого сентября, мы, взяв недельный отпуск, садились в байдарку и, неторопливо, но мощно помахивая вёслами, плыли по Северскому Донцу, по этой тихой равнинной речке в объятиях могучих лиственниц, между которыми иногда мелькали стайки молоденьких голенастых сосенок; по серой глади реки бесшумно скользили желтые листья. Река учила нас простой философии: по течению плыть легче, чем против течения, а если попасть в середину струи - то легче вдвойне; плывя по течению, всегда можно утверждать, что делаешь это добровольно. Но мы, по своему упрямству, выбирали маршруты, где нужно плыть против течения; мы гребли до полного изнеможения и, когда сил уже не оставалось,

хотелось отдохнуть и поесть, наш «байдарочный капитан» Лёня, взглянув на часы, на солнце, на берега реки, один из которых был обязательно пологим, а другой - крутым, неумолимо и глубокомысленно изрекал: «Надо еще гребсти!» (так, через "б", говорил это слово один дедок на Северском Донце). И все последующие годы, когда было тяжело, когда опускались руки - я упрямо говорил себе: "Миша, надо ГРЕБСТИ!"...

На лугах вдоль реки паслись многочисленные коровы, и я научился (зажимая нос пальцами) довольно-таки сексуально мычать, подражая молодому бычку. Некоторые коровы реагировали на моё мычание, поворачивая голову к байдарке и заинтересованно мыча в ответ. Я бурно радовался своим успехам! Но однажды, когда мы проплывали вблизи отвесного берега, одна корова-эротоманка в ответ на мой «мук» неожиданно обрушилась с берега в воду и целеустремлённо поплыла к нашей байдарке, рассчитывая, видимо, вступить со мной в интимные отношения и завести совместного телёнка. Огромная волна от рухнувшей в воду туши ударила в борт байдарки; мы с трудом восстановили её плавучесть и, налегая на вёсла, позорно бежали от большой и чистой коровьей любви. Когда опасность миновала, суровый (но справедливый!) капитан Лёня дал мне по шее и категорически запретил заводить шашни с крупным рогатым скотом...

Часов в шесть вечера мы причаливали к берегу, ставили палатку, разводили костёр, варили ужин. Потом, уже в темноте, долго пили чай, всматривались во тьму, которая вокруг яркого костра казалась нам особенно тёмной и зловещей, наперебой цитировали Тютчева:

**И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами -
Вот отчего нам ночь страшна!**

Потом просто лежали и смотрели на звёзды. Вот ковш Большой Медведицы, а вот Кассиопея, похожая на английскую "дабью". И вдруг - золотой промельк падающей звезды. Ты успел загадать желание? А ты?... Как передать это ощущение величия и простоты мироздания, этот шепот надмирных голосов, это счастье проникновения в тайны вечности, этот щемящий диалог души и неба?...